

А.Ж. Абдиханова¹

*¹кандидат исторических наук, старший преподаватель Шымкентский Университет
г.Шымкент, Казахстан*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НА ЮГЕ КАЗАХСТАНА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация

Насильственное вмешательство царской России в многовековой образ жизни Казахстана нарушает существующий порядок во всех сферах жизни, включая религию. Колониальная политика России сопровождалась, в первую очередь, искоренением достижений коренных народов в области религии и культуры, установлением собственного порядка и адаптацией местного населения к имперской реальности. После окончания завоевания южных регионов, Царская Россия приступила к осуществлению плана по постепенному переходу религиозной политики от невмешательства к жесткому регулированию. Это было связано с опасениями, что ислам может стать идеологическим оружием против успешной колонизации, поэтому в царских планах большие надежды возлагались на христианизацию края.

Ключевые слова: религиозная политика, царская Россия, история, религиозные общины, верующие, Ислам, мечеть, духовенство, Православие, лютеранство, молокане, менониты.

А.Ж. Абдиханова¹

*¹тарих ғылымдарының кандидаты, аға оқытушы, Шымкент Университеті
Шымкент қ., Қазақстан*

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОҢТҮСТІГІНДЕ РЕВОЛЮЦИЯҒА ДЕЙІНГІ КЕЗЕҢДЕ КӨПҚОНФЕССИЯЛЫ ҚОҒАМНЫҢ ҚАЛЫПТАСУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Аңдатпа

Патшалық Ресейдің Қазақстандағы ғасырлар бойғы қалыптасқан өмір салтына күштеп араласуы қоғамның барлық салаларында, оның ішінде дінде қалыптасқан жүйені бұзады. Ресейдің отарлық саясаты, ең алдымен, байырғы халықтардың дін мен мәдениет саласындағы жетістіктерін жойып, өзіндік тәртіп орнатумен және тұрғылықты халықтардың империялық ақиқатқа бейімделуімен қатар жүрді. Оңтүстік аймақтарды жаулап алғаннан кейін патшалық Ресей діни саясатында араласпаудан біртіндеп қатаң бақылауға көшу жоспарын жүзеге асыра бастады. Ислам отаршылдыққа қарсы идеологиялық қаруға айналуы мүмкін деген қорқыныспен байланысты болды, сондықтан патшалық үкімет жоспары аймақты христиандандыруға үлкен үміт артты.

Түйін сөздер: діни саясат, патшалық Ресей, тарих, діни бірлестіктер, діндарлар, Ислам, мешіт, діни қызметкерлер, Православие, лютерандық, молокандар, менониттер.

A.Zh. Abdikhanova¹

*¹Candidate of Historical Sciences, Senior Lecture, Shymkent University
Shymkent, Kazakhstan*

PECULIARITIES OF THE FORMATION OF A MULTICONFESSIONAL SOCIETY IN THE SOUTH OF KAZAKHSTAN IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Abstract

The violent interference of tsarist Russia in the centuries-old way of life in Kazakhstan violates the existing order in all spheres of life, including religion. The colonial policy of Russia was accompanied, first of all, by the eradication of the achievements of indigenous peoples in the field of religion and culture and the establishment of their own order and adaptation of the local population to the imperial reality. After the end of the conquest of the southern regions, Tsarist Russia embarked on a plan for the gradual transition of religious policy from laissez-faire to strict regulation. This was due to fears that Islam could become an ideological weapon against successful colonization, so the tsarist plans pinned great hopes on the Christianization of the region.

Key words: religious politics, tsarist Russia, history, religious communities, believers, Islam, mosque, clergy, Orthodoxy, Lutheranism, Molokans, Mennonites.

Накануне окончательного завоевания юга Казахстана царской Россией, ислам играл доминирующую роль в жизни коренного населения. Подчинение региона и проведение административно-территориальных реформ, объявление территории Казахстана собственностью царского правительства, вскоре привело к массовому переселению русских крестьян в степные зоны и южный регион, а с их помощью российские власти пытались контролировать духовные процессы в казахском обществе.

Казахи являлись мусульманами – суннитами, ханафитского толка. В то же время не удалось преодолеть синкретизм исламской веры: сильные элементы анимизма, шаманизма и культа предков входившие в религиозные представления и обряды, и существовали в форме народного ислама, включавшего в себя элементы доисламских верований. Знаменитый памятник казахского права XVII века «Законы хана Тауке» зафиксировал ряд правил, связанных с исламом. Так например, в случае обращения казаха в христианство, его родственники получали право требовать его имущество. В целом, согласно этому документу, правовые нормы, регулирующие основные аспекты образа жизни казахского общества, были установлены в соответствии с обычным правом - адатом казахов [1]. Это свидетельствует об отсутствии традиционной исламской системы политико-правовых норм, регулирующих социальную и политическую жизнь казахстанского общества. Соответственно, сформировавшаяся прослойка представителей ислама в лице имамов, кади, мулл, мударрисов и других, организационная структура мусульманских священнослужителей была все еще недостаточно развита.

Некоторые сведения о религиозной жизни казахов в Туркестанском крае того времени были представлены в трудах В.Н. Наливкина. Он указывает, что «Киргиз того времени допускал некоторое влияние шариата на свою жизнь в области одной только религии, к которой он относился довольно безразлично, в большинстве случаев не знал даже тех молитв, из которого состоит обязательный для каждого мусульманина намаз» [2, с. 48]. Весьма примечательно высказывание автора о том, что казахи «с мусульманской точки зрения, мозолили глаза сонму сартовских книжников, которые издавна делали попытки просветить киргизов и обратить их в истинных мусульман, но попытки эти большей имели лишь самый незначительный успех» [2, с. 48].

В середине XIX века русский исследователь А. Левшин дал значительную оценку религиозной принадлежности казахов в своем знаменитом труде «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей». Он отметил, что казахи смешивают ислам и древние политеистические культы, не постыжась, не молясь, и «исланизм» не исчезает только благодаря среднеазиатским и татарским муллам, которые служат казахской знати [1, с. 314].

Характеризуя духовную жизнь казахского этноса, Левшин отмечал, что по казахским селам бродили многие приверженцы суфизма - бродячие дервиши. Большинство из них практиковали прорицание, а их поведение и действия не отличались от поведения шамана [1, с. 315].

Невзирая на такую оценку, казахи Перовского и Казалинского уездов Сыр-Дарьинской области имели прочные духовные связи с Бухарой и особенно с Хивой. Ишанов называли духовными наставниками «пир (пир)», с их именем связано стремление к духовной чистоте, очищению от греха, они воспринимались казахами как особые представители религиозно-духовных предводителей, ведущего ко всему божественному. Вследствие этого власти Туркестанского края, учитывая особый авторитет и влияние узбекских ишанов среди казахов, стремились с их помощью воздействовать на казахское население. Так, в рапорте начальника Чимкентского уезда упоминается о деятельности ишана - казаха из Чимкентского уезда Сатубалды Абдуллина, который практиковал свою деятельность среди тургайских казахов [3, л. 2,2 об]. Большинство суфиев-ишанов в Туркестане происходили из сословия ходжа. Этот факт показывает, что уровень исламизации населения на юге Казахстана был более глубоким, а ишаны сыграли важную роль в распространении исламских принципов в степных регионах Казахстана. С другой стороны, растущая активность суфиев- ишанов объясняется возрастающей миссионерской деятельностью русской православной церкви, наиболее патриотичные и авторитетные лидеры местной знати пытались с помощью усиления позиции ислама оказать скрытое противодействие. Н.Д. Нуртазина отмечает, что «в регионе были распространены главным образом суфийские братства Накшбандия, Йассавия, Кадырия. Отдельной ветвью можно назвать и «каляндари» - нищенствующие суфии, отделившиеся от Накшбандия» [4, с. 37]. Власти регулярно следили за ишанами, запрещая им свободно передвигаться по Туркестану, им было необходимо всякий раз получать специальное разрешение для встречи со своими последователями – мюридами. Под давлением царской администрации и меняющимися условиями укрепления колониального строя, внедрения элементов индустриализации, отразившихся в процессе урбанизации, в начале XX века не все суфийские братства оказались способными сохранить свое былое влияние.

Позиция ислама во многом определялась отношением к нему российских властей, не отличавшихся стабильностью. Так, на ранних этапах колонизации новые правители не вмешивались в религиозную жизнь казахов. Первоначально генерал-губернатор Туркестана занял позицию невмешательства в отношении к исламу, их правил и организации управления их религиозными и духовными молитвами, и чтобы оптимизировать надзор, колониальная администрация начала с позиции внешнего наблюдателя за духовными делами мусульман.

Этот вопрос в крае впервые нашел решение при Генерал-губернаторе Кауфмане. При нем было указано «по поводу обращения Оренбургского муфтия в 1878 году к Семиреченскому Областному Правлению за сведениями о существующем духовном устройстве магометан этой области, Министерством Внутренних дел 4-го Марта 1880 года, за № 893, по сношении с генерал-губернатором, было предложено означенному муфтию, в

разъяснение ст.1142 т. XI св. Законов Российской империи изд. 1857 года, не распространять свою деятельность на Туркестанский край» [5, л. 131 об]. Вместе с тем, исламизация в некоторой степени даже поощрялась практическими мерами. В частности, государственные средства были выделены на строительство мечетей и выплату жалования муллам. Присутствовал расчет на то, что с помощью верных мусульманских священнослужителей будет легче контролировать социально-политические процессы в степях. Но затем переселенческая политика царизма стала активизироваться, впоследствии чего было обезземеливание казахов, а вместе с тем усиление среди них антироссийских настроений.

Миграция татар в казахские степи с целью стать муллами в XIX веке было заметным явлением. Вместе с исламом в казахскую степь они приносили антирусские настроения, и усилили национализм. Заметив это, правительственные чиновники начали сдерживать проникновение ислама в страну. Еще до того, как край присоединился к Российской империи, узбекские ишаны, представлявшие суфийское духовенство, оказывали большое влияние на население южных казахов.

Царское правительство было крайне обеспокоено разразившимся под лозунгом «джихада» в мае 1898 г. Андижанским восстанием, и все же воздержалось от каких-либо реальных организационных решений по туркестанскому «мусульманству», было дано указание внимательно следить за всем Семиречьем, то есть контролировать практически каждого мусульманина, и регулярно докладывать уездному начальнику [6].

Казахи не были очень фанатичными и ревностными мусульманами, но при этом, попытки обратить их в христианство оказались безуспешными. Тем не менее, некоторые российские исследователи считают казахов не вполне мусульманами, а этносом, способной подорвать продолжающееся мусульманское единство от Волги и Урала до южных границ России [7].

В то же время политика российского правительства была направлена на внедрение христианства среди казахов. При этом учитывалась любая незначительная возможность. Нередко встречались случаи принудительной христианизации. Казахи плохо вступали в христианство. Традиционная религия имела большое значение для казахского народа, она представляла собой совокупность различных ритуалов и традиций. Сегодня исследователи пришли к единому мнению о глубоких корнях этих традиций и обрядности.

Следует также помнить, что в царской России православие всегда было необходимым дополнением к политической жизни, и являлось одним из основных столпов государственности, поэтому христианизация нерусских народов всегда носила политический характер. Прибытие и распространение русских поселенцев также внесло новые оттенки в религиозную жизнь региона.

Хотя христианское миссионерство в степях в целом была неудачной, все же встречались единичные случаи, когда казахи переходили в православие.

В основном христианство в казахской среде принимался слабо. Таким образом в письме к военному губернатору Семиреченской области Колпаковского от 8 апреля 1868 года Преосвященному Епископу Томскому и Семипалатинскому, религиозная ситуация в Южном Казахстане описывалась следующим образом: «...большинство киргизов почти не имеют никакого понятия о религии. Однако же и не замечено, чтобы они симпатизировали нашей Православной вере...» [8, л. 244]. Далее автор письма акцентирует, что: «между киргизами случалось мне не раз замечать неблагоприятное настроение к русскому духовенству, возбуждаемое опасением, что оно является в среде их с тою единственной целью, чтобы приступить к насильственному их крещению» [8, л. 245].

По этой причине поверхностное принятие христианства часто приводит к его отчуждению. Об этом свидетельствует цитата из специальной резолюции епископа Туркестанского и Ташкентского от 14 августа 1907 года: «Большинство киргиз принимает христианство не искренне, православием пользуются как временным средством для заключения брачного союза и избежание уплаты калыма...» [9, л. 30].

З.Т.Садувокасова отмечает, что понимая преждевременность заниматься миссионерской деятельностью в 50-60-х годах XIX века, начальство казахских областей предостерегало о последствиях применения методов, использованных ранее с язычниками [10, с. 93]. Цитируется письмо председателю миссионерского общества, от 16 января 1869 года, первого Туркестанского генерал – губернатора К.П. фон Кауфман доказывал несвоевременность и невозможность применения в руководимом крае, миссионерских задач: «Народонаселение Туркестанского края, нельзя смешивать с теми народами, посреди которых приходилось действовать русским миссионерам в Алтайской, Забайкальской и Иркутской миссиях» [10, с. 93].

Туркестанская епархия стала самостоятельной единицей в 1872 году. До этого церковные дела Туркестанского края решались в Томской епархии. С образованием отдельной епархии, как писал «Церковно-общественный вестник», миссионерские дела не только не улучшились, но в «некоторых отношениях положительно пошли хуже». Беспокойство вышестоящего церковного начальства вызвало ослабление связей между различными звеньями епархиальной администрации, что, в свою очередь, отражалось на миссионерской деятельности [10, с. 97].

Следует отметить, что если некоторые славянские иммигранты принимали ислам по причине создавшихся условий и влияния социальной среды, так обращение определенной части казахов, пусть и небольшой, в христианскую веру (в основном православную) было результатом длительной и целенаправленной имперской политики царизма, проводимой на местах колониальной администрацией, служителями миссионерской церкви - например, Н.И. Ильминским, А.Е. Алекторовым, Н.И. Остроумовым и др. Так, по их рекомендации, ограничивали въезд исламских деятелей из Казани, Уфы, Оренбурга, Бухары и других мусульманских центров,

ввоз Корана и другой священной литературы для мусульманина, паломничество в Мекку и Медину, строительство и открытие новых мечетей, мектебов и медресе и т. д.

С 80-х годов XIX века началась массовое переселение крестьян из европейской части России, сыгравшую большую роль в формировании многонационального и многоконфессионального состава населения. Царское правительство разрешило переселение на территорию Степного края независимо от их религиозных убеждений. Поток притесняемых общин наводнил Казахстан. Общины мигрировали от угнетения на новые земли, чтобы сохранить свои религиозные воззрения. Среди них можно выделить следующие направления: христианское, нехристианское, сектантское. Среди христианских конфессий, пришедших в Южный Казахстан, были как католики, так и протестанты различных течений.

Протестантизм в Казахстане начал распространяться, после присоединения Казахстана к России. Это было связано с тем, что в российской армии на территории Казахстана были немцы-лютеране (высшие и средние чины), а затем появились и государственные служащие этой религии, а также ремесленники, крестьяне и другие. Миграция меннонитов из России в Казахстан началась в 80-х годах XIX века. Реформы Столыпина усилили этот процесс. Среди поселенцев были представители различных протестантских конфессий (лютеране, меннониты, баптисты, евангельские христиане и др.). Например, в 1912 году по количеству сектантов в Чимкентском уезде было 35 баптистов и 35 евангельских христиан [11, л. 27].

В 1905-1907 годах Туркестанская лютеранская церковь имела приходы в Аулие-Ате, Чимкенте и в немецких колониях близ Аулие-Аты - Орлово, Чимкента - Константиновка и др. Было отмечено тяжелое положение прихода в городе Верном, который находится на большом расстоянии от Ташкента и обслуживается он сибирскими общинами. Общее духовное руководство осуществляла Московская Консистерия. Согласно перечню евангелического населения в Туркестане и Закаспии 1897 года, в Константиновке было 392 лютеран, в Николаевском - 46, в Орлово - 104, в лютеранском - 14. Кроме того, в Константиновке было 153 реформатора, в Орлове - 8. Интернациональный состав верующих по разрешению Министерства внутренних дел приходы с начала XX века начали вести службу на русском языке (кроме немецкого, эстонского и финского). Имелись приходские школы. На данный период в Константиновке обучалось 80 школьников, в Орлово - 50 [12, л. 354].

В Ташкентском уезде протестантов 339 человек, пос. Алексеевка населена - молоканами. Первоначально поселок Самаркый был населен различными конфессиями, но с течением времени с 1909 года, когда стали постепенно вливаться в этот поселок крестьяне, исповедывающие православную религию, почти все другие конфессии, жившие в деревне, были вытеснены и рассеяны. На тот момент в поселке Самарском насчитывалось всего лишь 5 семейств, из них 2 баптистов и 2 молокане [13, л. 25].

Наиболее крупными были семьи исповедующие православную религию. Основная причина преобладания православных семей заключалось, во-первых, в политике притеснения неправославных христиан со стороны представителей царской администрации, во-вторых, на динамику численности православного населения значительное влияние оказывали миграционные процессы - приток крестьянского, православного, населения.

В Чимкентском уезде из 136 баптистов - 133 человек проживали в городе Чимкенте, а остальные - на Тамерлановском участке, молокане и субботники пребывали в городе Чимкенте, а старообрядцы - на Туркестанском участке [14, л. 10]. Проживающие в городе Туркестане старообрядцы группы «беспоповцев», принадлежали к толку «Едино-Восточно-Апостольской церкви, древне-греческого закона» [15, л. 101].

В Аулие-Атинском уезде в селе Орловка, Владимировка, Иоганесдорф и двух близлежащих деревнях - проживали адвентисты седьмого дня из отделившихся меннонитов [16, л. 66 об].

В Перовском уезде старообрядцев-уральцев мужчин - 90 человек и женщин - 65 человек [16, л. 70]. В Аму-Дарьинском отделе зафиксировано 4405 человек старообрядцев-уральцев. В Казалинском уезде старообрядцы-уральцы, из них 1065 мужчин и 942 женщин [17127, л. 3]. Проживавшие в городе Казалинске и селении №2 старообрядцы разделяются на три толка: беспоповский или часовенный, московский и третий толк австрийский или белокрыницкий. Прибывший в Казалинск из г.Петро-Александровка священник австрийского толка Евтихий Мурашкинцев относит к австрийскому или белокрыницкому толку только две семьи, проживавших в г.Казалинске, большинство старообрядцев в городе были беспоповцы или часовенные [18128, л. 16]. Выявлено, что в городе проживали лица, исповедующие Евангельско-Лютеранское вероисповедания [19129, л. 4].

Таким образом, особенностью конфессиональной ситуации на юге Казахстана стало появление ряда других религий, помимо традиционно представленного ислама, что было связано с процессом этнической миграции. Представители каждой этнической группы, прибывшие в Казахстан, неосознанно внесли в духовную жизнь региона традиции, соответствующие их религии. Так, русские, украинцы, болгары и часть белорусского населения были преимущественно носителями православной веры. Кроме того, часть нового русского населения состояла из старообрядцев. Немцы, поляки, отчасти белорусы и некоторые другие народы были проводниками католицизма, а некоторые были носителями протестантизма. Татары, узбеки и некоторые другие тюркоязычные народы были мусульманами.

В целом можно сказать, что в дореволюционный период на территории Южного Казахстана существовал ряд конфессий, основными из которых были мусульманство исповедовавшееся коренным населением - казахами и другими тюркскими этносами, и православие, искусственно внедрявшееся русской колониальной администрацией.

Список использованной литературы:

1 Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. - Алматы: Санат, 1996. - С. 367.

- 2 Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент: «Турк. Т-во Печатного Дела», 1913. – 106 с.
- 3 ЦГА Республики Узбекистан. Ф. И-17, О.1 Д.4014.
- 4 Нуртазина Н.Д. Народы Туркестана: проблемы ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX-XX веков). – Алматы: Қазақ университеті, 2008. - 166 с.
- 56 ЦГА РУз. Ф. И-17 О.11 Д. 1724.
- 67 Документы Средняя Азия vostlit.info/Texts/Dokumenty/m.asien.htm. (дата обращения: 4.11.2020)
- 75 Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. / Под рук.С.Д. Асфендиярова. 2-е изд. - Алматы, 1997. - С. 245.
- 8 ЦГА РУз. Ф. И-1, Оп.20, Д.124.
- 9 ЦГА РУз. Ф.1009, Оп.1, Д. 175.
- 10 Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX – начало XX веков). – Алматы, 2005. – 277 с.
- 11 ЦГА РК. Ф. 2079, Оп.1, Д.271.
- 12 ЦГА РК. Ф.2079, Оп.1, Д.272.
- 13 ЦГА РУз. Ф.И-17, Оп.1, Д.16081.
- 14 ЦГА РУз. Ф И-17, Оп.1, Д. 1994.
- 15 ЦГА РУз. Ф И-17, Оп.1, Д. 2114.
- 16 ЦГА РУз. Ф И-7 Оп.1, Д. 5221.
- 17 ЦГА РУз. Ф И-1, Оп. 17, Д. 102.
- 18 ЦГА РУз. Ф И-1, Оп. 1, Д 1817.
- 19 ЦГА РУз. Ф.И-17, Оп.1, Д.10303.

References:

- 1 Levshin A. Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisat hordes of isteppei. - Almaty: Sanat, 1996. - S. 367.
- 2 Nalivkin V. P. The natives before and now. Tashkent: "Turk. Number of printed works", 1913. - 106 seconds.
- 3 CGA of the Republic of Uzbekistan. F. I-17, O. 1 D. 4014.
- 4 Nurtazina N. D. The peoples of Turkestan: problems of Islam, integration, modernization and decolonization (at the turn of the XIX-XX centuries). - Almaty: Azaza University University, 2008. - 166 seconds.
- 56 CGA Ruz. F And B-17 ON. 11. D. 1724.
- 67 documents Average Азия vostlit.info/Texts/Dokumenty/m.asien.htm, (accessed: 4.11.2020)
- 75 passed Kazakhs in the east and materials. SB. / Pod rux. S. D. Asfendiyarov. 2nd ed. - Almaty, 1997. - p. 245.
- 8 CGA Ruz. F. I-1, Op. 20, d. 124.
- 9 CGA Ruz. F. 1009, Op. 1, d. 175.
- 10 Sadvokasova Z. T. Spiritual expansion of Tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (II half of the XIX – early XX centuries). - Almaty, 2005. - 277 P.
- 11 CGA RX. F 2079, Op. 1, 271.
- 12 CGA RX. F. 2079, Op. 1, 272.
- 13 CGA Ruz. F. I-17, Op. 1, 16081.
- 14 CGA Ruz. F I-17, Op. 1, d. 1994.
- 15 CGA Ruz. F I-17, Op. 1, d. 2114.
- 16 CGA Ruz. F I-7 Op. 1, d. 5221.
- 17 CGA Ruz. F I-1, Op. 17, d. 102.
- 18 CGA Ruz. F I-1, Op. 1, d 1817.
- 19 CGA Ruz. F I-17, Op. 1, d. 10303.